

обратили внимание на это свидетельство, которое доказывает, что разрыв между дядей и племянницей был не столь уж необратим.

Тут, правда, есть одно тонкое обстоятельство. Достоевский узнает о смерти Эмилии Федоровны, находясь в Эмсе. Он не может присутствовать на похоронах. Он просит Анну Григорьевну сообщить ему адрес старшего сына Эмилии Федоровны, Феде, его крестника: он собирается ему написать. О любимой племяннице не говорится ни слова. Но, вернувшись в Петербург, он почел своим неременным долгом посетить дочь старшего брата, которая нынче осталась круглой сиротой. По словам самой Екатерины Михайловны, Достоевский, приехав к ней, «долго сидел и беседовал».

Его собственная жизнь была на исходе. Кто знает, продлись она дольше, возможно, он испытал бы раскаяние, как и брат Андрей.

Следует остановиться на одном удивительном совпадении.

В 1839 г. Михаил Михайлович пишет Куманиным: «...Подивитесь предчувствию души моей. В ночь на 8-е июня я видел во сне покойного папеньку. (То есть сутки спустя, как Михаила Андреевича не стало. – И.В.). Вижу, как будто он сидит за письменным столиком и весь как лунь седой; ни одного волоса черного; я долго смотрел на него, и мне стало так грустно, так грустно, что я заплакал; потом я подошел к нему и поцеловал его в плечо, не быв им замеченным, и проснулся. Я тогда же подумал, что это не к добру...»

Отец снится и брату Федору – причем для сновидца это не лучшее предвестье. «Я сегодня ночью видел во сне отца, – пишет он Анне Григорьевне в 1871 г. из Висбадена, где проигрался в пух и прах, – но в таком ужасном виде, в каком он два раза только являлся мне в жизни, предрекая грозную беду, и два раза сновидение сбывалось».

Анна Григорьевна говорит, что ее муж придавал значение снам. Он «очень тревожился, когда видел во сне брата Мишу и в особенности отца». Их появление всегда предвещало что-то недоброе, и Анна Григорьевна была свидетельницей того, как спустя два-три дня после события в их семье «наступала чья-нибудь болезнь или смерть».

Воспоминательница не называет дат и имен. Но, несомненно, она имеет в виду и случай, упомянутый Достоевским в его письме 1879 г. из Эмса: «Представь, какой я видел сон 5-го числа (я записал число): вижу брата, он лежит на постели, а на шее у него перерезана артерия, и он истекает кровью, я же в ужасе думаю бежать к доктору, и между тем останавливает мысль, что ведь он весь истечет кровью до доктора. Странный сон, и, главное, 5-е августа, накануне ее смерти». Эмилия Федоровна умерла шестого.

«Человек есть тайна», – сказано им, семнадцатилетним. Теперь, спустя сорок лет, он мог бы повторить эти слова.

Человек есть тайна – и сновидения едва ли не самое таинственное в нем. Это, как любил выражаться Достоевский, соприкосновение с мирами иными. Сон разума порождает не только чудовищ; может быть, это единственная возможность постичь нечто, не доступное бодрствующему уму. Недаром сновидения (от снов Раскольникова до сна Смешного человека) играют исключительную роль в художественном мире его романов.

«Ночью видел во сне брата, – записано в 1870 г., – он как бы воскрес и живет особо от семьи... брат как будто ко мне ласковее».

Тут любопытны два обстоятельства. Во-первых, «особое проживание» Михаила Михайловича – может быть, сновидческий отзвук его внебрачной связи, а может, вообще полная «перемена судьбы». Что применительно к «живому» брату, всем жертвующим для блага семейства, представить немислимо. И второе – брат стал «ласковее»: значит, ранее (в прежних снах?) он за что-то сердился на сновидца. И если чувство вины не оставляет Достоевского до конца, то порождается ли оно его ночными видениями или, напротив, сами они возникают как следствие этого чувства?

Его визит к Екатерине Михайловне – не только формальное исполнение долга. Конечно, это – внутренняя потребность, неотменимый душевный порыв. Возможно, это была их последняя встреча.